

СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРСНЫЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ*

*А.С. СОЛОДУХО, кандидат психологических наук, доцент
кафедры психологии БГУ ©*

Дается обзор основных тенденций и направлений исследовательской активности представителей англоязычного дискурсного анализа в изучении социально-психологической феноменологии. Рассматриваются теоретико-методологические основы дискурсивной психологии. Представлены характерные исследования в рамках современного дискурсного анализа. Демонстрируются особенности организации и реализации исследования в рамках дискурсивной психологии. Определены основные тенденции развития исследований в рамках современной дискурсивной психологии: 1) смещение исследовательской активности в направлении актуальной социальной проблематики; 2) доминирование этнометодологического и критического подходов к изучению социально-психологической феноменологии; 3) расширение границ понятия «текст», как ключевой точки приложения исследовательской активности аналитика; 4) кросскультурная и субкультурная направленность исследований; 5) выработка четких критериев и правил реконструкции социокультурного контекста в рамках дискурс-аналитического исследования.

Ключевые слова: дискурс, дискурсный анализ, дискурсивная психология, социальный конструктивизм, критический дискурсный анализ, этнометодология, текст, субкультура, реконструкция социокультурного контекста.

Дискурсный анализ является сравнительно новым направлением, которое приобретает все больший удельный вес в изучении природы социально-психологических явлений. Отчасти данная тенденция является следствием осознания учеными определенной ограниченности ресурсов классической психологии в познании феноменологии социальных процессов. С другой стороны, тенденции в развитии современной гуманитарной науки в эпоху постмодернизма, подчеркивают равный гносеологический статус исследователя и субъекта исследования. Как отмечает В.А. Янчуком, «начинает все больше осознаваться неадекватность применения к изучению живой человеческой сущности препарирующих методов естествознания» [1, с. 176]. Динамично развивающийся метод изучения человеческой субъектности задает новые ориентиры познания для ученых-психологов, наиболее значимым из которых является многомерность и изменчивость истины в социальном пространстве. Именно данное качество дискурсного анализа и является причиной, благодаря которой существует необходимость в полноценной ориентировке в процессах обновления и развития этого исследовательского метода.

Предназначение данной статьи – осветить последние тенденции развития и свежие методические инновации современного англоязычного дискурсного анализа. Этого можно достичь с помощью демонстрации образцов исследовательской активности представителей дискурсного анализа с целью расширения и обогащения диапазона собственного исследовательского опыта. Анализ современных тенденций развития вышеупомянутого подхода, позволяет утверждать, что именно исследовательский диалог между различными традициями и версиями дискурсного анализа, является источником его постоянного обогащения и движения вперед.

Термин «дискурсный анализ» впервые ввел в научный обиход Зеллиг Харрис, который таким образом назвал метод анализа связанной речи, предназначенный для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка [2]. Данный метод является ярким примером поиска баланса в дихотомии «субъективность – объективность». В рамках академического дискурса часто встречается противопоставление количественного анализа качественному, реализованное именно в этой системе координат. В то же

* Статья поступила в редакцию 6 февраля 2007 года.

время, применение оценочной категории «объективность» по отношению к деятельности ученого проблематично, поскольку субъект не в состоянии полностью подавить собственную внутреннюю активность, уподобившись пассивному созерцателю внешнего сенсорного потока. Даже простое наблюдение за показателями приборов находится в прямой зависимости от перцептивных, аффективных и когнитивных факторов.

А.В. Юревич говорит об уникальном, «вне-научном» личностном опыте каждого ученого, который направляет его научную деятельность в определенном направлении [3]. Когда же приходится заниматься непосредственно толкованием эмпирической фактуры, роль внутренней активности субъекта познания возрастает в геометрической прогрессии. В такой ситуации «объективность» определяется научным сообществом как «коллективная конвенция (согласие)» (intersubjective agreement) [4, с. 52]. Но подобная договоренность выступает как препятствие, в случае, когда чья-либо научная интерпретация явно диссонирует с мнением большинства. Вследствие своей уникальности она может являться носителем нового знания, когда ученый обнаружил в анализируемой проблеме то, что раньше оставалось до него незамеченным.

С другой стороны, также возможна абсолютизация субъективности, т.к. ученый обладает теми же ограничениями, что и обычный человек. Он не способен на объективный анализ вследствие того, что его личные желания, мотивы, стремления, особенности перцептивных процессов искажают восприятие явления и результаты исследования. В настоящее время научное сообщество все меньше рассуждает о методах в рамках полярной дихотомии, предпочитая представлять соотношение объективного и субъективного в виде континуума. По мнению М.Л. Макарова, «в этом случае феноменология помогает снять оппозицию, рассматривая «присутствие» феномена как взаимодействие субъективного и объективного, связанных интенциональностью сознания» [5, с.28].

Считается, что дискурсивная психология институционально оформилась в конце 80-х годов XX века в Великобритании (Оксфордский университет и университет г. Лафсборо). В настоящее время ее последователи существуют как в Европе, (Италия, Испания, Франция, Нидерланды), так и в ряде университетов США, Канады, Южной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии. Главными фигурами этого

направления являются британцы Р. Харре, J. Potter, M. Wetherell, J. Edwards, американец I. Parker, голландец T. van Dijk, а также профессор из Утрехта (Нидерланды) J. Shotter.

Психологическая производная дискурсного анализа социальных явлений обозначилась как специфическая исследовательская область в рамках мультидисциплинарного течения, которое объединяет попытки осмысления социальных функций повседневной естественно протекающей речи (naturally occurring talk) и взаимодействия силами лингвистики, философии и социологии и когнитивной психологии. В область исследовательских интересов представителей данного течения входят структурный анализ последовательностей речевых актов, этнометодологический анализ языковых конвенций и шаблонов в локальных дискурсивных практиках, изучение роли дискурсов в формировании методов науки, социология знания как дискурсивной деятельности в контексте культуры, философский анализ процессов дискурсивного конституирования культурных образований.

Задача дискурсивной психологии в данном проблемном пространстве сформулирована довольно неопределенно и заключается в пристальном изучении дискурсивного процесса. По мнению основоположника течения Р. Харре, здесь «речь идет не просто о цепочке рассуждений, выраженных посредством языка, но о структурированной последовательности интенциональных актов, приводящих в движение ту или иную знаковую систему (включая обычную речь), которая представляет собой результат совместной (социальной) деятельности» [6, с. 4–5].

Характерной чертой дискурсивной психологии является постулат о социальном происхождении явлений, которые традиционно относились к области интрапсихического. Ее представители рассматривают в качестве метатеоретического основания подхода социальный конструктивизм К. Гегена, с его ключевым тезисом о социальных отношениях, как основным фактором, определяющим образ повседневности [7]. С ним солидарен и Р. Харре, критикующий социальный детерминизм и постулирующий «невозможность существования социальных универсалий» [8, с. 304]. Тем самым, он провозгласил ориентацию на изучение так называемых «локальных этнографий», признав недостижимой задачу построения универсальных, внекультурных моделей социального поведения. Социальные науки, в том числе и психология, могут предоставить данные

только об отдельных социальных образованиях, их внутренней, локальной практике и отношениях социально компетентных субъектов. Как следствие, современная дискурсивная психология провозглашает однозначную ориентацию на доминирование идеографического принципа исследовательской активности.

Особенности культурного пространства, в котором реализуется дискурсивный анализ, накладывают отпечаток неповторимого своеобразия не только на предмет (субъект) исследования, но и на сам научный метод. В силу того, что аналитик также принадлежит к конкретному культурному, этническому, социальному, классовому пространству, а также опосредованности дискурсивного анализа научно-культурными традициями, многообразие методических форм характеризуется постоянным приростом и динамикой развития. Исследователь не в состоянии выйти «за пределы своего мира», поэтому он широко использует его возможности и особенности, чтобы придать результатам своего исследования яркий идеографический аспект. Широкий спектр методологических дискуссий в рамках метода наглядно иллюстрирует это утверждение.

Научная деятельность, реализуемая в рамках современной англоязычной дискурсивной психологии, характеризуется несколькими существенными особенностями. Во-первых, солидная доля исследований посвящена актуальным социальным проблемам, характерным для той или иной территории (дискриминации по полу, расовому, возрастному и статусному признаку, взаимоотношения между представителями различных социальных институтов и социальных классов, взаимодействие средств массовой информации с аудиторией, взаимная интерференция дискурсов социально-политических институтов, манипуляция информацией, пропагандистское и рекламное воздействие, взаимодействие научного и повседневного миров и т.п.). Тем самым дискурсивная психология иллюстрирует влияние ситуации постмодерна на роль гуманитарных наук в общественной жизни, а именно, расширение диапазона доступных способов взаимодействия с «внешним миром», и организация сферы прагматических контактов с социальной реальностью, когда ученые-психологи вступают в коммуникацию с представителями иных социальных институтов в качестве партнеров, обладающих равноправным статусом [9].

Дискурсивный анализ продемонстрировал себя как метод, направленный на достижение

консенсуса в таких напряженных сферах общественной жизни, как дискриминация аут-групп по признаку пола, религиозной веры, принадлежности к расе. В частности, исследование Guimaraes, проведенное в Бразилии, после принятия закона об уголовной ответственности за оскорбления на почве расовой неприязни показало, что в большинстве случаев такого рода коммуникативные ситуации возникают вследствие статусного либо институционального конфликта (когда на авансцену взаимодействия выходят роли и функции коммуникаторов, а не их личностные качества) [10].

Во-вторых, доминирующие приемы обработки и интерпретации аналитической информации фокусируются вокруг этнометодологического и критического подходов. Эта тенденция связана, с одной стороны, с увеличением показателя экологической валидности исследовательской процедуры, а с другой – акцентированием внимания на условиях реального существования дискурса в индивидуальных и коллективных представлениях. При работе в рамках этнометодологического подхода исследователю, взаимодействуя с материалом, следует имитировать процедуры, выполняемые рядовыми представителями культурно-этнической группы, являющейся носителем изучаемого типа дискурса [11]. Критический подход к анализу дискурса связан с необходимостью актуализации в сознании исследователя установки на идентификацию скрытых в дискурсе идеологических (в широком смысле этого понятия) элементов, приобретших в силу влияния исторического и культурного контекста статус повседневных убеждений, либо «логики здравого смысла», общепринятой информации [12, с. 459–460]. Таким образом, например, организованы исследования, направленные на изучение дискурса «расизм».

В качестве примера можно привести работу по изучению проявлений расизма в австралийских газетах по отношению к иммигрантам из Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджа) [13]. Описывается «новый тип расизма», характерный для многонациональных государств, таких как США, Австралия и территория Западной Европы. «Новый расизм» включает в себе не физическое насилие или уничтожение дискриминированной группы, а дистанцирование от нее в рамках повседневной коммуникации, и создание характеристик представителей данной группы, как «немотивированных, обладающих низким культурным уровнем, неспособных к обучению, ленивых» [13, с. 8]. Подобного рода

дискурс основан на генерализации (создании упрощенного образа представителя данной группы, либо использования высказывания-ярлыка) и высокой степени когеренции дискурса (соответствии каждого коммуникативного действия своему месту в общей макроструктуре взаимодействия, когда каждый элемент дискурса четко встраивается в логичную, непротиворечивую картину мира) [13, с. 24–37]. Подобные стратегии, как было показано в работе Bonilla-Silva и Forgan, также характерны для повседневной коммуникации американских студентов с белым цветом кожи. Кроме того, ими был идентифицирован широкий спектр «предваряющих прививок», реализующихся в повседневных диалогических и полифонических коммуникациях с целью маскировки элементов дискурса «расизма», и желания сохранить образ себя как позитивного, толерантного гражданина [14, с. 80–84].

В-третьих, представители дискурсивной психологии активно используют в качестве аналитического материала широкий спектр текстов – носителей фрагментов дискурсов. В исследованиях последнего десятилетия были задействованы транскрипты устной естественно протекающей речи в условиях бытового диалога, индивидуальной и групповой психотерапии, письменная речь различных жанров (научная, деловая), смешанные тексты, содержащие вербальный и невербальный компоненты, тексты идеологической направленности (политические и рекламные слоганы), широкий перечень текстов вторичной и третичной коммуникации. Такое разностороннее исследовательское поле позволило существенно расширить сферу применения метода, не замыкая его исключительно в рамках изучения межличностного взаимодействия.

Ярким примером подобного обогащения является исследование трансформационных процессов в идеологии современного Китая Xing в период 60-80-х годов XX века. С помощью дискурсивного анализа Xing показал механизм трансформации, который претерпело культурное пространство Китая за неполных пятьдесят лет – от этики конфуцианства к прагматизму Дэн Сяопина через идеализм Мао Цзэдуна [15, с. 488]. Подвергнув анализу с помощью этнометодологии представленные в ведущем источнике китайской международной пропаганды – журнале «Красный Флаг», им выделены «точки изменений» содержания китайской пропаганды, совпадавшие с изменением роли Коммунистической партии Китая в обществе и

ее позиций по отношению к общественным принципам. Xing также продемонстрировал, каким образом подобные слоганы, представляющие собой «наиболее эффективную форму работы с коллективным сознанием при условиях непротиворечивости и повторяемости» [15, с. 503], оказывали влияние на идентификацию и самоопределение в социальном пространстве рядовых членов китайского общества. Им же подмечено, что уровень когерентности подобной коммуникации в китайском обществе практически все время оставался на неизменно высоком уровне. С другой стороны, исследования, проведенные в некоторых странах Восточной Европы (Венгрия, Польша, Чехия), ранее относившихся к социалистическому лагерю, продемонстрировали низкий уровень когерентности в условиях смены социально-политических ориентиров. Данная тенденция сохранилась в этих культурах и через десяток лет после окончания критического периода [16].

В-четвертых, в рамках современного дискурсивного анализа представлен широкий диапазон исследований, ориентированных на выявление кросс-культурных особенностей социально-психологической феноменологии. Данные исследования представлены не только в форме работы с результатами деятельности или представителями принципиально разных языковых и географически локализованных сообществ, но также с представителями субкультур, совместно существующих в рамках одной территории или государства. Довольно часто такого рода сосуществование характеризуется высокой степенью проблемности в силу проблем во взаимоотношениях этнических групп, имеющих серьезную историко-культурную подоплеку. В такой ситуации исследование способно заложить первоначальную почву для диалога и понимания представителей данных групп на макросоциальном уровне.

В качестве примера можно привести исследование Kaimus, направленное на выяснение особенностей построения этно-политического дискурса эстонцев и русских по отношению друг к другу [17]. Автор идентифицировал способы конструирования образов представителей аут-группы на основе дискурсивного анализа текстов эссе, посвященных проблеме примирения двух этнических, написанных школьниками, представлявшими данные группы. Было выявлено, что дискурс молодых эстонцев отличается гораздо более выраженной степенью разнополярности – от крайне выраженной

степени этноцентричности до вполне толерантного отношения к представителям самого крупного «национального меньшинства» Эстонии. Кроме того, дискурс эстонских школьников характеризуется большей «исторической экспрессивностью», в нем идентифицируются фрагменты дискурса «нового расизма» [13]. Дискурс русских учащихся характеризуется большей логической упорядоченностью и обладает выраженным аргументативным содержанием. Тем не менее, оба типа этно-политического дискурса содержат в себе высокий процент не критически заимствованных «суждений-интродуктов» (*термин употреблен нами по аналогии – авт.*), о взаимоотношениях наций, представленных в учебниках истории, которые используются в школьном учебном процессе [13, с. 693]. На основании этого Kalmus делает вывод о необходимости создания качественно новых контекстов для интерпретации взаимоотношений эстонцев и русских.

В-пятых, в рамках современного дискурсного анализа важную роль играет реконструкция социокультурного контекста, определяющего интерес к изучаемому типу дискурса (*reconstructing background*). В рамках подхода определены достаточно четкие условия осуществления на практике подобной реконструкции. Она обладает фиксированной позицией как в тексте непосредственно научной статьи, так и в роли «предваряющей прививки» для исследователя. В качестве основы для создания контекстной рамки первоначально используются доступные факты, характеризующие историю взаимоотношений представителей противоборствующих групп, либо осуществляется определение границ рассматриваемого дискурса путем использования институционализированных понятий, представленных в «официальных текстах», имеющих законодательный, либо статистический, либо юридический статус, с которыми потенциально может ознакомиться любой представитель исследуемой культуры.

В исследовании Augoustinos, посвященном изучению дискурсов расизма и национализма по отношению к коренным жителям Австралии, в качестве первичной рамки используется текст доклада официальной комиссии «За равные возможности и права человека», в котором юридически подтверждается факты многолетней политики геноцида по отношению к коренным жителям Австралии, ряд неоднозначных

решений судов, выносивших вердикты по поводу правонарушений, совершенных представителями различных этнических групп [18, с. 668]. В качестве вторичной контекстной рамки, обычно используются события, имевшие широкий общественный резонанс, связанные с рассматриваемым типом дискурса. Часто они связаны с действиями лиц, обладающих довольно высоким социальным статусом и носящими либо провокационный, либо случайный характер, в результате чего проблема, репрезентированная в культурных отношениях, приобретает широкий общественный резонанс.

В уже упомянутом выше исследовании Augoustinos в качестве такого события предстала неосторожная расистская шутка Артура Тансталла – главы оргкомитета Игр стран Британского Содружества (второго по степени масштабности спортивного действия после Олимпийских Игр, объединяющего страны, когда-либо находившиеся по патронажем Великобритании), сразу же растиражированная СМИ по всему миру и вызвавшая бурные протесты со стороны коренного населения Австралии [18]. В дальнейшем контекст может углубляться и расширяться, либо сужаться и детализироваться в зависимости от интенций исследователя.

Дискурсивная психология и дискурсивный анализ в настоящее время находятся на подъеме, связанном с постоянным расширением исследовательского пространства и налаживающимся мультикультурным диалогом различных традиций, групп, этносов. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что дискурсивная психология еще неоднократно будет привлекать к себе внимание научного сообщества и способствовать укреплению научных связей между различными научными школами. Дискурсивные аналитики не претендуют на обладание единственно корректным, универсальным методом познания; они обогащают предмет гуманитарной науки (не только психологии) – человека и его активность, – новыми, идеографическими красками.

Таким образом, дискурсивный анализ представляет собой мультикультурный метод исследования продуктов социокультурной активности личности и социума, характеризующий своеобразие культуры, в рамках которой существует аналитик. Расширение форм реализации дискурсивного анализа и развитие дискурсивной психологии приводит к все большей распространенности метода в рамках гуманитарной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янчук, В.А. Психология постмодерна // *Время как фактор изменений личности* / В.А. Янчук, под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Поликарпова. Минск: ЕГУ, 2003. С. 175–201.
2. Harris, Z.S. Discourse analysis // *Language*. 1952. Vol. 28. P. 474–494.
3. Юревич, А.В. Функциональный кризис науки / А.В. Юревич, И.П. Цапенко // *Вопросы философии*. 1998. № 1. С. 17–29.
4. Bavelas, J.B. Quantitative versus qualitative? // *Social Approaches to Communication*. New York; London, 1995. P. 49–62.
5. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
6. Харре, Р. Вторая когнитивная революция / Р. Харре // *Психологический журнал*. 1996. Т. 17. № 2. С. 3–15.
7. Gergen, K. J. Social psychology and the wrong revolution // *European journal of social psychology*. Chichester, 1989. Vol. 19, №5. P. 463–484.
8. Harre, R. The ethogenic approach: theory and practice // *Advances in experimental social psychology*. N.Y., 1977. Vol. 10. P. 283–314.
9. Якимова, Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы / Е.В. Якимова. М.: ИНИОН, 2003.
10. Guimaraes, A.S.A. Racial insult in Brazil // *Discourse and Society*. 2003. Vol. 14, № 2. P. 133–151.
11. Schegloff, E. Discourse, pragmatic, conversation, analysis // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 1. P. 405–435.
12. Dijk, T.A. van. Critical discourse analysis and conversational analysis // *Discourse and society*. 1999. Vol. 10. № 1. P. 459–460.
13. Teo, P. Racism in the news: a critical discourse analysis of news reporting in two Australian newspapers // *Discourse and society*. 2000. Vol. 11. № 1. P. 7–49.
14. Bonilla-Silva, E., Forman, T. I am not a racist but...: mapping white college students racial ideology in USA // *Discourse and society*. 2000. Vol. 11, № 1. P. 50–85.
15. Xing, Lu. An ideological/cultural analysis of political slogans in communist China // *Discourse and society*. 1999. Vol. 10, № 4. P. 487–508.
16. Zinken, J. Ideological imagination: intertextual and correlational metaphors in political discourse // *Discourse and society*. 2003. Vol. 14, № 4. P. 507–523.
17. Kalmus, V. Is interethnic integration possible in Estonia?: ethno-political discourse of two ethnic groups // *Discourse and society*. 2003. Vol. 14, № 6. P. 667–697.
18. Augoustinos, M., et al. Genocide or a failure to gel Racism, history and nationalism in Australian talk // *Discourse and society*. 1999. Vol. 10, № 3. P. 351–378.